

ISSN: 2219-8229

E-ISSN: 2224-0136

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2219-8229

Has been issued since 2010.



European Researcher. International Multidisciplinary Journal

Historical Sciences and Archaeology

Исторические науки и археология

UDC 94(470.331) «19»

War and Peace in Tver Province: 1914–1917

Tatiana G. Leontieva

Tver State University, Russian Federation
Trechsvjatskaja street 16/31, Tver city, 170010
Dr (History), Professor
E-mail: kroneko@mail.ru

Abstract. The article, basing on archive materials, describes events in Tver province in the period from 1914 to the beginning of 1917. Author examines as the First World War circumstances (mobilization and influx of wounded, prisoners of war, refugees) changed habitual rhythm of the province inhabitants life. A special attention is paid to analyses of transformation of religious intentions and behavior of population.

Keywords: Tver Province; Tver Eparchy; First World War; Orthodox Church; Clergy; Prisoners of War; Wounded; Refugee; February Revolution.

Введение. В канун 100-летия Первой мировой войны в отечественной и зарубежной историографии все чаще появляются исследования, посвященные «человеческому измерению» войны. Проблемы раненых и беженцев, тылового населения и «человека с ружьем», взаимодействие в экстремальных условиях представителей разных этносов и конфессий длительное время заслонялись глобальными темами, связанными по преимуществу с военными действиями, политическими интригами и революционными движениями. Между тем, исход войны, которая в начале многим виделась быстрой и победоносной, во многом определили резкие перемены во всех сферах повседневного бытия населения империи. Особенно отчетливо это просматривается на примере территорий, в той или иной степени втянутых в перипетии военных событий. Изучение «локального опыта» позволяет проследить, как коммуницировали фронт и тыл, как под влиянием военного бремени разрушалась патерналистская модель взаимодействия власти и социума, деформировались привычные религиозно-мировоззренческие установки, что в итоге завершилось крахом империи.

Представленная статья посвящена событиям 1914–1917 гг. в Тверской губернии. В центре внимания – трансформации мирной повседневности в условиях военного времени. Значимость подобного исследования на региональном уровне продиктована кроме прочего отсутствием комплексных трудов по данной проблематике.

Материалы и методы. Исследование проводилось на основе анализа обширного корпуса опубликованных и архивных материалов: периодической печати, статистических

данных, документов личного происхождения. Особое предпочтение отдавалось нарративным источникам, отражающим впечатления и эмоции граждан, задетых войной. Материалы из привлеченных источников анализировались и осмысливались на основе как традиционных методов (сравнительно-исторического, микроисторического) так и в рамках новых подходов: новой политической истории, новой культурной истории, исторической антропологии.

Обсуждение. Тверскую губернию в начале XX в. с точки зрения военно-стратегической следует признать уникальной. Накануне Первой мировой войны она представляла собой совокупность районов, находившихся в подчинении нескольких военных округов. К Московскому (тыловому) относились Тверской и Корчевской уезды и примыкающие поселения Новоторжского, Старицкого, Ржевского и Зубцовского уездов; Петроградскому – Весьегонский, Бежецкий, Калязинский, Вышневолоцкий, Кашинский; Двинскому – Осташковский и некоторые поселения Старицкого, Зубцовского и Новоторжского уездов; Минскому – значительные части Старицкого, Ржевского, Зубцовского и Новоторжского уездов. Все это означает, что на территории одной губернии «встречались» фронт и тыл: здесь формировались воинские части, сюда эвакуировались госпитали и беженцы, этапировались военнопленные. Данное обстоятельство существенно повлияло на ход событий в тверском Верхневолжье в 1914–1917 гг.

Первоначально, как и везде в России, здесь наблюдался необычайно бурный патриотический подъем. Волостные сходы и земские управы, общественные организации и рабочие коллективы, частные лица спешили выразить «обожаемому и возлюбленному монарху» верноподданнические чувства, а сербскому королю – искреннее сочувствие [1]. Православные храмы, где служили торжественные молебны по случаю отправки первых мобилизованных на фронт, были переполнены молящимися за христоролюбивое воинство. Представители различных конфессий (еврейская община, старообрядческая братия) спешили заверить прежде всего губернские власти в абсолютной лояльности [2]. Учащаяся молодежь – гимназисты, семинаристы – рвались на фронт, даже малолетние преступники губернской (Бавыкинской) колонии «почтительно просили» губернатора фон Бюнтинга направить их на рытье окопов и строительство укреплений [3]. На территории губернии спешно формировались воинские части. Небывалую активность проявляли женщины, готовые стать не только сестрами милосердия, но и «подавать солдатам патроны или даже разносить письма» [4]. Уклонисты (в том числе и по религиозным мотивам) на начальном этапе встречались единицами [5].

Одним из первых на фронт из Твери уходил 8-й гренадерский Московский полк. Следует помнить, что традиционно проводы на фронт сопровождался ритуалом «гульбы» новобранцев. В 1914 г. привычный сценарий изменился из-за временного запрета алкогольных напитков, что обернулось бунтами в ряде городов центра империи [6]. Но в Тверской губернии подобные перемены осталось практически без последствий: в документах упоминается факт подстрекательства нижних чинов к погрому 23 июля казенной винной лавки в Весьегонске, но злоумышленника (исправник полагал, что это был местный учитель!) вовремя обезвредили. Более того, первых призванных провожали торжественно. Так, в губернском центре объявлениями, напечатанными в типографии, население уведомили о дате выступления гренадерского полка в поход (25 июля) и напутственным архиерейском служении по такому случаю на Соборной площади Твери. Владельцам торгово-промышленных предприятий рекомендовалось закрыть их на время молебствия [7]. На проводы собрались свыше тысячи человек из города и предместий. Уходящих на фронт щедро одаривали назидательными книжками, дешевыми иконками, крестиками – руководство епархии следовало предписанию вышестоящих властей не скупиться на военные нужды. Все это убеждало губернские власти в том, что задачи, поставленные правительством по части мобилизации, решаются успешно [8].

Православные священники, служившие в приходах епархии, отмечали, что «народ духовно воскрес». Повсеместно отмечалось стечение прихожан в храмы, участились обращения к исповеди и покаянию, увеличились все «показатели обрядности»: продажи просфор, заказов молебнов с акафистами, а «частичные проявления безверия, распущенности и хулиганства... гасли в общем массовом благочестии» [9]. Как отмечали настоятели, большую роль сыграло «благодетельное отрезвление народа по Царскому

слову» – временное прекращение казенной торговли вином. Иллюзию сознательного отрезвления народа создавало сокращение таких обычных для деревенской повседневности явлений, как ссоры, кражи, даже сельские и волостные сходы стали проходить спокойнее [10]. На время «рядовые» православные забыли прежние распри и потянулись к церкви и своим приходским наставникам. Как ни парадоксально, но на начальном этапе войны несколько сократилась даже численность нищих и бродяг. Полицейские сводки в Тверской губернии представляли довольно трогательную картину осознания народом необходимости «войны на благо Родины» [11]. Официальная церковная пресса, разоблачая враждебные замыслы государств-противников и рисуя образ жестокого врага-нехристя [12], внушала читателям идею «ратного подвига», искупления греха и обещала, что вскоре «война окончится победой православия» [13].

Однако эйфория начального периода обернулась вскоре тяжкими военными буднями. Центральной фигурой общественной жизни Тверской губернии, как и во всей стране, становятся раненые. Вслед за учреждением 11 августа 1914 г. Верховного совета по призрению семей мобилизованных, раненых и павших воинов и открытием «августейшей сестрой милосердия» – императрицей – эвакуационного пункта в Царском Селе, по всей империи один за другим стали открываться лазареты и госпитали.

К делу призрения раненых одной из первых присоединилась и Тверская епархия: на августовском съезде монастырей решили открыть лазарет при Тверском архиерейском загородном доме и выделили на его содержание 40000 руб. из монастырских капиталов. Под помещения лазаретов отвели здания Тверской духовной семинарии (на 500 кроватей), двух духовных училищ – в г. Торжке и Красном Холме, помещения нескольких монастырей [14]. Следом пункты медицинского обслуживания открылись в Кимрах и Старице, Осташкове и Ржеве, Кувшинове и Кесовой Горе [15], размещались они в зданиях школ, богоделен, казенных училищ. Огромную роль в организации ухода за ранеными сыграл Тверской комитет Всероссийского союза городов, открытый в Твери 14 сентября 1914 г., и Тверской Военно-промышленный комитет (создан осенью 1914 г.). Их представители организовали курсы для подготовки медсестер, убежища для увечных воинов, снаряжали санитарные поезда, призывали население к благотворительным акциям (сбору теплой одежды для нуждающихся, заготовкам продуктов) и тем самым помогали не только размещенным на территории губернии раненым, но и солдатам действующей армии [16]. Председатель тверского отделения Всероссийского союза городов А.А. Червен-Водали пытался склонить городские власти ассигновать дополнительные средства на расширение санатория в предместье Твери – Черногубове – для лечения раненых больных туберкулезом [17]. Наплыв раненых в губернию подсказывал тверичанам, что война не будет такой легкой, как казалось в начале.

Отчаянием и растерянностью сменился и религиозный аффект. Ежедневные заботы вытеснили страх Божий и по мере привыкания тылового населения к ситуации воспроизводились нарабатанные временем стереотипы поведения – нарастал разгул страстей отнюдь не христианского свойства. В ужасах войны (мобилизация, реквизиции, наплыв беженцев и военнопленных, первые потери и призрак голода) народу виделось наказание Божье, а в редких удачах на фронте вырисовывалась надежда на прощение. Мистика военного времени усилила распространение всякого рода суеверий: женщины обращались к прорицателям и гадалкам, верили в скорый конец света. В Тверской губернии «старые бабы пророчествовали пришествие антихриста и анчутки беспятого, свержение царств и бедствия народные» [18].

Уже в начале 1915 г. настоятели тверских приходов отмечают снижение уровня даже внешнего благочестия: торжища по воскресеньям, уклонение от храмовых служб и исполнения треб, непочтительность к церковной братии [19]. Подобные настроения констатировали и священнослужители-депутаты Государственной думы: в записке обер-прокурору Св. Синода В.К. Саблеру они обращали его внимание на «оскудение в церкви религиозного духа и охлаждение к ней всех слоев общества» [20]. По данным Л.И. Емелях подобные настроения отмечались в сообщениях епископов Вятской, Московской, Нижегородской, Вологодской, Рижской и Харьковской епархий [21].

Охлаждение к церкви и вере обернулось утратой эмоциональных сдержек и для повседневной жизни населения губернии становится характерным нарастание нервозности

и недовольства. Неудачи на фронте, слухи о шпионах, которые проникли во власть и командующий состав, усугубляли ситуацию. Тверское губернское жандармское управление, которому вменялось контролировать настроения, вело «неослабное наблюдение» за резервистами и рабочими, староверами и сектантами [22]. По данным донесений и отчетов «компетентных лиц» складывается следующая картина.

Прежде всего обнаруживаются издержки скорой сплошной мобилизации. Уже через год в губернии стали заметны и нехватка рабочей силы, и перенапряжение оставшихся на производстве. Вопреки запрету губернатора фон Бюнтинга на собрания и забастовки, рабочие стали выходить на улицы. Забастовочным движением оказались охвачены основные промышленные предприятия Тверской губернии: Тверская мануфактура, Русско-балтийский вагоностроительный завод, фабрика Рябушинского, стекольный завод, фабрика «Тоболка» и др. Только с апреля 1915 по сентябрь 1916 г. состоялось более тридцати забастовок (3 – весной 1915, 6 – летом 1915, 7 – осенью 1915, 4 – зимой 1916, 9 – весной 1916, 4 – летом-осенью 1916 г.) [23]. Основной причиной недовольства рабочих в Тверской губернии, как и в других регионах России [24], на этом этапе было экономическое положение: заработной платы не хватало на подорожавшие продукты, поставляли их несвоевременно, а качество и вовсе вызывало всеобщее возмущение. Раздражали бастующих и сверхурочные работы.

Согласно донесениям жандармских чиновников политические мотивы прослеживались весьма слабо, случаи вызывающе агрессивного поведения были редки. Исход забастовок известен и типичен для провинциальных губерний того времени: «бунтарям» приходилось возвращаться к станкам на условиях мелких уступок, угроза увольнения или отправки на фронт оставалась актуальной и до поры до времени действовала отрезвляюще. Вплоть до революции 1917 г. тверских охранителей порядка больше беспокоили солдатские массы.

В отличие от рабочих, создававших очаги напряженности по преимуществу в городах, солдаты тыловых гарнизонов, численность которых достигла в 1915 г. уже 120 тыс., являлись источником беспокойства для всей губернии. Недовольные затянувшейся войной, они повсеместно оказывались в центре скандалов из-за мелкого воровства, пьянства, хулиганства [25]. Потерявшие страх Божий ратники, временно пребывавшие на тыловых территориях, бесстыдно воровали, позволяли «себе безобразные выходки, брань, угрозы и даже насилие». Известен случай, когда нижние чины запасного батальона в городке Зубцове Тверской губернии «превратили кладбище в место общественных гуляний» и разгромили его так, что «стали видны кости покойников» [26]. Духовенство не обладало необходимым ресурсом для противостояния этой тенденции. Практикующие священники признавали, что уровень отчужденности паствы выражается теперь не только в отношении друг к другу, но также к ритуалу и храму. Даже в праздники не наблюдалось былого благочестия, демонстративно игнорировались посты, «забывалась» некогда добровольно введенная обязанность охранять храмы по ночам [27]. Тверской епископ Серафим (Чичагов), осознавая негативные последствия наплыва в епархии фронтовиков, озлобленных войной и казармой, призывал приходское духовенство вести работу в семьях мобилизованных, чтобы «сдерживать размахавшихся в штыковых боях» солдат [28].

Нельзя недооценивать наличие в губернии огромной массы военнопленных и беженцев. По неполным данным к середине 1915 г. в уездных городах содержалось более 4 тыс. пленных, к 1916 г. их численность удвоилась [29]. Высокая концентрация пленных при отсутствии приспособленных пунктов первичного размещения заставляла распределять их в хозяйства сельских предпринимателей и на городские предприятия, от работ освобождались лишь офицеры и тяжелобольные. Труд пленников использовался по преимуществу на тяжелых работах в промышленности и гораздо реже в сельском хозяйстве [30]. Как следует из документов, тверские власти старались не нарушать положения 3-й Гаагской конвенции 1907 г., регламентирующей содержание пленных, что становилось обременительным по мере нарастания их потока [31]. Нормы их питания значительно превосходили нормы русских солдат, что усугубляло негативное отношение к ним населения и потому не могло не сказаться на ухудшении обстановки в губернии.

Что касается беженцев, то уставить их общую численность на сегодняшний день исследователям не удалось – к началу 1916 г. считалось, что в Тверской губернии

разместилось более 30 тыс. [32] Есть данные, что городское население губернии благодаря их притоку увеличилось вдвое [33]. Государственные мужи не предусмотрели не только финансирование на нужды переселенцев, но и не предложили механизмов регулирования их потоков. В спешном порядке представителям местной гражданской и церковной власти, общественным организациям приходилось озадачиваться проблемами их размещения, питания, лечения, трудоустройства взрослых и обучения детей. Рассчитывать на сочувственное отношение населения Тверской губернии к проблемам беженцев и военнопленных становилось все труднее – дольше больше в них видели чужаков, виноватых во всех бедах военного времени. Впрочем, подобную ситуацию следует признать типичной для воюющей Российской империи.

В итоге тяготы военного времени существенно влияли на массовое сознание и поведение жителей губернии. Как и по всей России с началом Февральской революции 1917 г. и отречением императора Николая II от престола массы начинают впадать в «социальное буйство» [34] и становятся трудноуправляемыми. Органы местного самоуправления заполняли солдаты, матросы, командированные агитаторы, нередко – уголовные элементы, словом те, кто впитал в себя «большевистский яд». В Твери 2 марта 1917 г. толпа, где оказались рядом городские обыватели и солдаты двух воинских подразделений, растерзала губернатора Н.Г. фон Бюнтинга, расстреляла нескольких офицеров, разгромила несколько квартир, магазинов и мелких лавчонок. Затем последовали погромы винных погребов, винокуренных заводов в Старицком, Вышневолоцком, Ржевском уездах [35]. Причины столь ярко выраженной враждебности были связаны с экстремальными условиями военного времени – ненависть к внешнему врагу оборачивалась поисками виноватых на месте.

В марте-апреле 1917 г. по стране прокатилась волна съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями началось смещение неугодных архиереев, а избираемые епархиальные советы начали ограничивать епископскую власть. Стихийно утверждавшийся практически на всех ступенях церковного управления коллегиально-представительный принцип управления (в благочиннических и приходских советах, приходских собраниях) позволял прихожанам, особенно крестьянам, повсеместно менять «плохих» попов на «хороших» [36] Вследствие «бунта псаломщиков» вынужден был временно покинуть тверскую кафедру архиепископ Тверской и Кашинский Серафим (Чичагов) [37]. В сакральном пространстве епархии также обозначилась тенденция к быстрому и по преимуществу насильственному исправлению «внутриведомственных» дефектов. Еще на переходе от Февраля к Октябрю в тверской провинции происходят захваты крестьянами приходских земель, набирают силу конфликты со священниками, заметна резкая политизация последних, словом, налицо обнаружилась своеобразная «смута десакрализации» [38].

Заключение. Заключая сказанное, отметим, что события 1914 – начала 1917 гг. еще раз подтвердили старую истину: «...победа зависит не от количества штыков и снарядов», а настроений (в том числе – религиозных) и поведения населения. Исходя из этого, следует признать, что еще до октября 1917 г., изнуренные войной и обманутые властью некогда законопослушные верноподданные Тверской губернии, становятся носителями революционных настроений. Стрессовая нестабильность оборачивается тем, что тыловое население, забыв патриотические порывы, начинает реализацию «права на свободу».

Примечания:

1. См.: Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 13691. Л. 17, 95, 101, 146 и др.
2. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13691. Л. 60, 126.
3. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Ф. Д. 13802. Л. 387.
4. ГАТО. Ф. 958. Оп. 1. Д. 391. Л. 222; Дневник медицинской сестры Ждановой (1914-1915). // Тверской государственный объединенный музей (ТГОМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 106.
5. См. подробнее: ГАТО. Ф. 958. Оп. 1. Д. 391; Ф. 486. Оп. 1. Д. 1547.
6. Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии / В.П. Булдаков // Россия и современный мир. 2001. № 2 (31). С. 36.

7. Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь: изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 46.
8. Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь: изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 15.
9. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 34378. Л. 32.
10. ГАТО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 3034. Л. 1-1 об.
11. ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1892. Л. 241-242.
12. Церковный вестник. 1914. № 40. 2 октября. Стб. 1190; 1914. № 46. 13 ноября. Стб. 1395
13. Церковный вестник. 1914. № 45. 6 ноября. Стб. 1346.
14. Церковный вестник. 1914. № 43. 23 октября. Стб. 1301. ГАТО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 17. Л. 22-22 об.
15. Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь: изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 81-84, 98-99.
16. Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь: изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 25, 26.
17. См.: ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 3250.
18. Тверской край в XX веке. Документы и материалы. 1907-февраль 1917 / Науч. ред. М.М. Червякова. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 1995. Вып. 2. С. 117.
19. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11169. Л. 150-163.
20. Христианская мысль. 1916. № 6. С. 141-142.
21. Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л.: изд-во «Наука», 1976. С. 46-48.
22. Указания последовали из Министерства внутренних дел еще до начала военных действий // Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь: изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 167-168.
23. Подсчитано А.В. Сипейкиным по: ГАТО. Ф. 56. Оп. 9. Д. 342; Ф. 927. Оп. 1. Д. 1920; Ф. 927. Оп. 1. Д. 1920.
24. Отмечено ранее: Кирьянов Ю.И. Стачное движение в России в 1914 – феврале 1917 г. (По материалам официальных источников и «хроник» выступлений рабочих) // История СССР. 1990. № 5.
25. Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь: изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 34-35.
26. Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь: изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 374-375, 380-389.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 9 об.
28. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 5.
29. Занегин Е.А. Становление системы содержания военнопленных в период Первой мировой войны на территории Тверской губернии (1914-1916 годы) // Из архива тверских историков. Сб. науч. трудов / Науч. ред. Т.И. Любина. Тверь: изд-во ТвГУ. 2002. Вып. 3. С. 186.
30. Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь: изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 21.
31. Подробнее: ГАТО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 617; Ф. 1213. Оп. 1. Д. 500.
32. Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь: изд-во ООО «РЭД», 2009. С. 304.
33. Розум М.А. Пролетариат Тверской губернии в Великой Октябрьской социалистической революции // Великая Октябрьская социалистическая революция в Тверской губернии. Калинин: изд-во КГПИ, 1959. С. 6.
34. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН. 1997. С. 351.
35. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 1. Д. 124; Ф. 114. Оп. 2. Д. 99.
36. Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л.: изд-во «Наука». С. 78.

37. Подробнее: Леонтьева Т.Г. Тверская епархия в 1917-1918 гг.: испытание революцией // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. 2013. № 27 (Вып. 4). С. 24-26.

38. Подробнее: Леонтьева Т.Г. Православное духовенство и русская революция // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М.: изд-во «Собрание», 2007, С. 582-602.

References:

1. Sm.: Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti (GATO). F. 56. Op. 1. D. 13691. L. 17, 95, 101, 146 i dr.
2. GATO. F. 56. Op. 1. D. 13691. L. 60, 126.
3. GATO. F. 56. Op. 1. F. D. 13802. L. 387.
4. GATO. F. 958. Op. 1. D. 391. L. 222; Dnevnik medicinskoj sestry Zhdanovoj (1914-1915). // Tverskoj gosudarstvennyj ob'edinennyj muzej (TGOM). F. 1. Op. 1. D. 106.
5. Sm. podrobnee: GATO. F. 958. Op. 1. D. 391; F. 486. Op. 1. D. 1547.
6. Buldakov Vladimir P. Rossijskie smuty i krizisy: vostrebovannost' social'noj i pravovoj antropologii / Vladimir P. Buldakov // Rossiya i sovremennyj mir. 2001. № 2 (31). S. 36.
7. Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. Sbornik dokumentov / Nauch. red. Vladimir P. Buldakov. Tver': izd-vo OOO «RJED», 2009. S. 46.
8. Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. Sbornik dokumentov / Nauch. red. Vladimir P. Buldakov. Tver': izd-vo OOO «RJED», 2009. S. 15.
9. GATO. F. 160. Op. 1. D. 34378. L. 32.
10. GATO. F. 1073. Op. 1. D. 3034. L. 1-1 ob.
11. GATO. F. 927. Op. 1. D. 1892. L. 241-242.
12. Cerkovnyj vestnik. 1914. № 40. 2 oktjabrja. Stb. 1190; 1914. № 46. 13 nojabrja. Stb. 1395
13. Cerkovnyj vestnik. 1914. № 45. 6 nojabrja. Stb. 1346.
14. Cerkovnyj vestnik. 1914. № 43. 23 oktjabrja. Stb. 1301. GATO. F. 128. Op. 1. D. 17. L. 22-22 ob.
15. Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. Sbornik dokumentov / Nauch. red. Vladimir P. Buldakov. Tver': izd-vo OOO «RJED», 2009. S. 81-84, 98-99.
16. Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. Sbornik dokumentov / Nauch. red. Vladimir P. Buldakov. Tver': izd-vo OOO «RJED», 2009. S. 25, 26.
17. Sm.: GATO. F. 801. Op. 1. D. 3250.
18. Tverskoj kraj v XX veke. Dokumenty i materialy. 1907-fevral' 1917 / Nauch. red. Maja M. Chervjakova. Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izd-vo, 1995. Vyp. 2. S. 117.
19. GATO. F. 160. Op. 1. D. 11169. L. 150-163.
20. Hristianskaja mysl'. 1916. № 6. S. 141-142.
21. Emeljah Larisa I. Krest'jane i cerkov' nakanune Oktjabrja. L.: izd-vo «Nauka», 1976. S. 46-48.
22. Ukazanija posledovali iz Ministerstva vnutrennih del eshhe do nachala voennyh dejstvij // Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. Sbornik dokumentov / Nauch. red. Vladimir P. Buldakov. Tver': izd-vo OOO «RJED», 2009. S. 167-168.
23. Podschitano Aleksandrom V. Sipejkinym po: GATO. F.56. Op.9. D.342; F.927. Op.1. D.1920; F.927. Op.1. D.1920.
24. Otmecheno ranee: Kir'janov Jurij I. Stachechnoe dvizhenie v Rossii v 1914 – fevrale 1917 g. (Po materialam oficial'nyh istochnikov i «hronik» vystuplenij rabochih) // Istorija SSSR. 1990. № 5.
25. Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. Sbornik dokumentov / Nauch. red. Vladimir P. Buldakov. Tver': izd-vo OOO «RJED», 2009. S. 34-35.
26. Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. Sbornik dokumentov / Nauch. red. Vladimir P. Buldakov. Tver': izd-vo OOO «RJED», 2009. S. 374-375, 380-389.
27. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 796. Op. 442. D. 2793. L. 9 ob.
28. RGIA. F. 796. Op. 442. D. 2793. L. 5.
29. Zanegin Evgenij A. Stanovlenie sistemy sodержanija voennoplennyh v period Pervoj mirovoj vojny na territorii Tverskoj gubernii (1914-1916 gody) // Iz arhiva tverskih istorikov. Sb. nauch. trudov / Nauch. red. Tat'jana I. Ljubina. Tver': izd-vo TvGU. 2002. Vyp. 3. S. 186.

30. Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. Sbornik dokumentov Nauch. red. Vladimir P. Buldakov. Tver': izd-vo OOO «RJED», 2009. S. 21.
31. Podrobnее: GATO. F. 788. Op. 1. D. 617; F. 1213. Op. 1. D. 500.
32. Tverskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. Sbornik dokumentov / Nauch. red. Vladimir P. Buldakov. Tver': izd-vo OOO «RJED», 2009. S. 304.
33. Rozum Mihail A. Proletariat Tverskoj gubernii v Velikoj Oktjabr'skoj socialističeskoj revoljucii // Velikaja Oktjabr'skaja socialističeskaja revoljucija v Tverskoj gubernii. Kalinin: izd-vo KGPI, 1959. S. 6.
34. Buldakov V.P. Krasnaja smuta: Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija. M.: ROSSPJEN. 1997. S. 351.
35. Tverskoj centr dokumentacii novejshej istorii (TCDNI). F. 114. Op. 1. D. 124; F. 114. Op. 2. D. 99.
36. Emeljah Larisa I. Krest'jane i cerkov' nakanune Oktjabrja. L.: izd-vo «Nauka». S. 78.
37. Podrobnее: Leont'eva TG. Tverskaja eparhija v 1917-1918 gg.: ispytanie revoljuciej // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. 2013. № 27 (Vyp. 4). S. 24-26.
38. Podrobnее: Leont'eva Tat'jana G. Pravoslavnoe duhovenstvo i russkaja revoljucija // K istorii russkih revoljucij. Sobytija, mneniija, ocenki. M.: izd-vo «Sobranie», 2007, S. 582-602.

УДК 94(470.331) «19»

Война и мир в Тверской губернии: 1914–1917 гг.

Татьяна Геннадьевна Леонтьева

Тверской государственный университет, Россия
170010, Тверь, улица Трехсвятская, дом 16/31
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: kroneko@mail.ru

Аннотация. В статье, выполненной на архивных материалах, представлен очерк событий 1914 – начала 1917 гг. в Тверской губернии. Рассматриваются перемены привычного ритма жизни тверичан под влиянием Первой мировой войны (мобилизации, притока раненых, военнопленных, беженцев). Особое внимание уделяется вопросу трансформации религиозных настроений и поведения населения губернии.

Ключевые слова: Тверская губерния; Тверская епархия; Первая мировая война; православная церковь; духовенство; военнопленные; раненые; беженцы; Февральская революция.